

Ци Хэн за две жизни так и не научился любить. Его так называемые чувства были похоронены в тех бесчисленных днях и ночах, когда он заставлял его разделять с ним радость.

Он тоже оделся и, после того как врач осмотрел его и развеял жалкие угрызения совести Ци Хэна, приготовился вечером вернуться домой.

Он давно не видел свою семью.

Старый генерал Лань погиб на поле боя, когда Лань Сичжу было двенадцать лет. Его мать, услышав печальные новости, через несколько месяцев последовала за отцом. Его второй брат был убит стрелой северных дикарей, когда ему было пятнадцать лет, пожертвовав собой ради страны.

Его старший брат был единственным гражданским чиновником в семье, ему было за тридцать, он был полон знаний, но слишком строго следовал принципам подчинения и различия между высшими и низшими. В прошлой жизни из-за Ци Хэна он несколько раз ссорился со своим старшим братом.

Третий брат был энергичным, с военной харизмой, недавно он подавлял восстание на юго-западе и только что вернулся домой.

Сейчас оба должны быть дома.

Лань Сичжу был тяжело ранен и не мог сесть на лошадь, поэтому Ци Хэн отправил его домой в карете.

Ночью Хэнду был оживлённым, огни светили ярко, как днём.

Лань Сичжу приподнял занавеску и посмотрел на улицу, наблюдая за мирной жизнью народа, и невольно улыбнулся.

То, что не удалось защитить в прошлой жизни, нельзя упустить в этой.

Через некоторое время карета остановилась у ворот резиденции Лань.

Надпись «Резиденция Лань» на табличке была мощной и строгой. Два охранника стояли прямо, демонстрируя дух военной семьи.

Лань Сичжу почувствовал тепло в сердце и выпрыгнул из кареты.

Охранники, увидев, что это Лань Сичжу, были так взволнованы, что едва могли говорить. Они неуверенно подошли вперёд, совсем не так величественно, как раньше.

— Генерал вернулся! Быстро сообщите!

В семье Лань было два генерала, так как его третий брат уже получил титул маркиза, поэтому в резиденции обычно называли Лань Сичжу генералом, а Лань Сицзина — маркизом.

Он смотрел на их суетливые фигуры, невольно покачал головой и улыбнулся.

Войдя в главный зал, он обнаружил, что там никого нет.

Сейчас было уже поздно, и его старший брат, должно быть, был в кабинете.

Он огляделся и посмотрел на четыре больших иероглифа в центре зала: «Преданность и служение стране».

Это было то, во что верили поколения семьи Лань.

Лань Сичжу вспомнил, как в прошлой жизни пало государство Наньхэн, и его сердце похолодело.

Как раз когда его мысли ушли далеко, слуга вбежал в зал, выглядевший испуганным.

— Четвёртый господин, старший господин ждёт вас в храме предков. Пожалуйста, пройдите туда.

Увидев его выражение, Лань Сичжу догадался, зачем его старший брат вызвал его.

Его глаза потускнели, и он последовал за слугой в храм семьи Лань.

Ещё не войдя в храм, он увидел стройную фигуру своего старшего брата, стоящую спиной к нему.

— Стань на колени.

Лань Сиюнь обычно был вежливым и мягким, но когда он говорил строго, его голос становился таким низким.

Лань Сичжу не сопротивлялся и сразу же опустился на колени, громко ударившись о пол.

Его третий брат, Лань Сицзин, стоял рядом, не смея выдохнуть.

Старший брат был как отец, и они с детства воспитывались под его руководством, не смея перечить ему.

— Старший брат, сегодня ты встал на колени перед алтарём родителей. Ты знаешь, зачем?

Лань Сиюнь медленно повернулся и пристально посмотрел на Лань Сичжу.

— Сичжу не знает.

Его холодный голос доносился снизу, и Лань Сицзин с тревогой слушал.

Почему он всё ещё спорит со старшим братом? Почему так трудно просто извиниться?

Он постоянно подмигивал Лань Сичжу, но тот, казалось, не замечал.

У Лань Сичжу были свои причины. Его старший брат был слишком прямолинеен и не умел быть гибким, поэтому стал жертвой интриг. Он хотел, чтобы Лань Сиюнь понял, что в мире не всё чёрно-белое.

— Наглец! — крикнул Лань Сиюнь.

— Император вызвал тебя, а ты ослушался приказа и оставался на севере целый месяц. Слухи уже дошли до меня, пренебрежение к императору, заслуги выше правителя — вот какое имя ты дал нашей семье! — Лань Сиюнь тяжело дышал, видно было, что он разозлен.

— Когда в нашей семье Лань был такой герой? — Лань Сиюнь усмехнулся. — Ты так высокомерен, гордишься своими заслугами! Как ты можешь оправдать наших умерших родителей, как ты можешь оправдать своего второго брата!

Последние слова были полны гнева, и тело Лань Сичжу дрогнуло.

Он действительно не оправдал своих родителей. Если бы они на небесах узнали, что у них есть сын, который продаёт себя императору, они, вероятно, умерли бы с открытыми глазами.

Увидев, что он долго молчит, Лань Сиюнь разозлился ещё больше.

— Позовите, примените семейное наказание!

Лань Сицзин был шокирован и поспешил вмешаться:

— Старший брат, подумай! Месяц назад Сичжу был предательски ранен северными дикарями, его тело ещё не оправилось, как он может выдержать семейное наказание?

Но Лань Сиюнь был непреклонен, никто не мог его остановить.

— Тело не оправилось? Я вижу, что он в полном порядке!

Лань Сиюнь думал, что это просто отговорка, чтобы обмануть императора.

Вскоре два крепких слуги подошли с толстыми досками в руках. Они смотрели друг на друга, никто не решался действовать.

— Чего вы ждёте! Бейте его! Бейте, пока он не запомнит урок. Вините родителей, что они умерли рано, я не смог его хорошо воспитать. Снимите с него верхнюю одежду, без боли он не запомнит.

Рука Лань Сицзина замерла в воздухе, но он не успел остановить, как доска ударила.

Тяжёлый звук удара заставил Лань Сичжу почувствовать дискомфорт в груди, и вкус крови поднялся к горлу.

Он знал, что эти слуги ещё не ударили со всей силы, семейное наказание Лань должно было быть более суровым.

Кожа Лань Сичжу была бледной, и даже в темноте следы на его теле были видны отчётливо, что заставило Лань Сицзина почувствовать боль в сердце.

В храме было темно, и Лань Сицзин с трудом разглядел повязку на спине Лань Сичжу.

Он указал на спину Лань Сичжу:

— Старший брат! На плече Сичжу идёт кровь!

Услышав это, слуги сразу же остановились.

Лань Сиюнь в панике подошёл вперёд, и, прежде чем понять, что произошло, чуть не закричал:

— Быстро, чего вы стоите, помогите четвёртому господину встать!

Слуги бросили доски и осторожно помогли Лань Сичжу подняться.

Лань Сиюнь дрожащим шагом обошёл Лань Сичжу и осмотрел его рану.

Увидев очертания кровавой раны на повязке, он чуть не упал, споткнувшись, и только с помощью третьего брата смог снова встать.

— Быстро, вызовите домашнего врача... Нет, отправьтесь во дворец и вызовите врача.

Он действительно запаниковал, его голос изменился.

Лицо Лань Сичжу было бледным, удар доской не задел его рану, но причинил сильную боль.

Увидев крайне виноватое выражение лица старшего брата, он умело потерял сознание.

В храме началась суматоха, Лань Сиюнь уже жалел о содеянном.

Он крикнул слуге, который отправился за врачом:

— Быстрее!

Лань Сичжу проснулся и обнаружил, что лежит в своей спальне из прошлой жизни.

В его сердце поднялась горечь. Он давно не спал так спокойно в своей собственной спальне.

Лань Сицзин всё это время сидел рядом, сейчас было утро, и он спал, склонившись на стуле.

Возможно, движения Лань Сичжу разбудили его, он поднял голову и потер сонные глаза.

— ...Сичжу? — радостно сказал Лань Сицзин. — Тебе лучше?

На спине чувствовалась жгучая боль, но Лань Сичжу не хотел беспокоить брата, поэтому слегка покачал головой.

— Много лучше.

Как это возможно, ведь это было семейное наказание Лань, три удара могли лишить человека половины жизни.

Лань Сицзин тоже сожалел, что не смог остановить старшего брата прошлой ночью.

— Не принимай близко к сердцу, старший брат не хотел тебя обидеть, он просто боялся, что ты сбился с пути.

Лань Сичжу покачал головой:

— Я понимаю.

Как он мог не понять трудности старшего брата?

Семья Лань была могущественной, и многие при дворе следили за ними, чтобы император не заподозрил их. Им нужно было быть осторожными, иначе это могло привести к смерти.

Лань Сиюнь, как глава семьи, был вынужден прибегнуть к такому методу, чтобы воспитать младшего брата.

Кто бы мог подумать, что он ещё ничего не сделал, а Лань Сиюнь уже мучился угрызениями совести.

— Я слышал от слуг, что старший брат прошлой ночью стоял на улице в верхней одежде, пока не услышал от врача, что ты в порядке, а затем вернулся в комнату, но всё ещё беспокоился, и жена старшего брата всю ночь уговаривала его лечь спать. — Лань Сицзин осторожно помог ему сесть, продолжая болтать. — У него просто острый язык, но мягкое сердце, тот удар прошлой ночью был не для тебя, а для него самого.

Он говорил, наблюдая за выражением лица Лань Сичжу.

<http://bllate.org/book/16394/1484846>